

Научная статья. Исторические науки

УДК 94(591)

DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-257-270

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В БИРМЕ/МЬЯНМЕ (Часть 2.)

Фёдор Алексеевич ПОПОВ¹

¹ МПГУ, Москва, Россия, popovf1992@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8867-3300>

Аннотация: Гражданская война в Мьянме (до 1989 – Бирма) является одним из самых длительных вооружённых конфликтов в мировой истории, который не окончен до сих пор. К причинам конфликта следует отнести длительный перерыв в бирманской государственности из-за британской оккупации, сложные межэтнические отношения, экстремизм местной коммунистической партии. В статье ставится проблема периодизации гражданской войны, перечисляются знаковые события, которые можно принять за формальное начало конфликта. Отстаивается тезис о невозможности выстроить непротиворечивую периодизацию конфликта. Наряду с борьбой армий в Бирме-Мьянме шла острая борьба идей: демократического социализма, связанного с интеллектуальным наследием Аун Сана и премьер-министра страны У Ну; авторитарного «бирманского социализма» генерала Не Вина; коммунизма, олицетворяемого Компартией Бирмы. В 1988 г. обозначился крах социалистических экспериментов и возрождение буддийского фундаментализма при поддержке нового военного правительства, в свою очередь идеи демократического социализма трансформируются в бирманский левый либерализм. На всём протяжении гражданской войны в неё были в разной степени втянуты Великобритания, Китай, США и ряд других государств. Автор указывает на возможные пути изучения мьянманской истории российскими исследователями.

Ключевые слова: *Мьянма, Бирма, гражданская война, Тамадо, Антифашистская лига народной свободы, Бирманский путь к социализму, бирманистика, Аун Сан, бирманский национализм, Компартия Бирмы, буддизм, этнические меньшинства*

Благодарности: *автор выражает благодарность российскому бирманисту Марии Тихомировой*

Для цитирования: *Попов Ф.А. Дискуссионные вопросы гражданской войны в Бирме/Мьянме (Часть 2.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 3, № 2 (59). С. 257–270. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-257-270*

Original article. Historical science

CONTROVERSIAL ISSUES OF THE CIVIL WAR IN BURMA/MYANMAR (Part 2.)

Fedor A. POPOV¹

¹ MPGU, Moscow, Russia, popovf1992@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8867-3300>

Abstract: The civil war in Myanmar (until 1989 - Burma) is one of the longest armed conflicts in world history, which has not yet ended. The reasons for the conflict include a long break in Burmese statehood due to British occupation, complex interethnic relations, and extremism of the local communist party. The article raises the problem of periodization of the civil war, lists significant events that can be taken as the formal beginning of the conflict. The thesis about the impossibility of building a consistent periodization of the conflict is defended. Along with the struggle of the armies in Burma-Myanmar, there was a sharp struggle of ideas: democratic socialism, associated with the intellectual heritage of Aung San and the country's prime minister, U Nu; the authoritarian «Burmese socialism» of General Ne Win; communism, personified by the Communist Party of Burma. In 1988, the collapse of socialist experiments and the revival of Buddhist fundamentalism, with the support of the new military government, were marked, in turn, the ideas of democratic socialism were transformed into Burmese left-wing liberalism. Throughout the civil war, Great Britain, China, the United States and a number of other states were drawn into it to varying degrees. The author points to possible ways of studying Myanmar history by Russian researchers.

Keywords: *Myanmar, Burma, civil war, Tatmadaw, Anti-Fascist People's Freedom League, Burmese Road to Socialism, Burmese studies, Aung San, Burmese nationalism, Communist Party of Burma, Buddhism, ethnic minorities*

Acknowledgments: *the author is grateful to the Russian researcher of Burma, Maria Tikhomirova*

For citation: Popov F.A. Controversial Issues of the Civil War in Burma-Myanmar (Part 2.). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2023, T. 3, № 2 (59). Pp. 257–270. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-257-270

Окончание. Начало в: Том 2, №2 (59), 2023, С. 249–268.

Роль армии

Феноменальная продолжительность военного правления в Бирме/Мьянме (с 1962 г.) ставит перед исследователями-бирманистами глобальный вопрос о роли вооружённых сил в новейшей истории страны, который, в свою очередь, распадается на ряд более «специализированных» вопросов, таких как: борьба элитных групп внутри бирманского генералитета, социальный портрет Тамадо, идеологические предпочтения бирманских военных, взаимоотношения армии и буддийской церкви и т.д. Политический режим, за которым закрепилось название «хунты», часто представляют полностью лишённым какой-либо динамики, однако нельзя отрицать его заметную структурную и идеологическую эволюцию в течение 60 лет. Хронологию бирманской военной диктатуры следует разделить на 4 этапа: 1) первое правительство ген. Не Вина, согласованное с премьер-министром У Ну и носившее «переходный» характер (1958–1960); 2) режим «Бирманского пути к социализму» – лево-авторитарная, но при этом антикоммунистическая военная диктатура ген. Не Вина («первая хунта»), которая поставила Бирму на «рельсы» социалистической экономики, сохранив и укрепив нейтральный внешнеполитический статус страны (1962–1988); 3) режим «второй хунты», ставший реакцией армии на «демократическую революцию» 1988 г. – характеризовался отказом от социалистических экспериментов, попыткой рыночных реформ в экономике, усилением националистических и религиозно-фундаменталистских тенденций (1988–2011); 4) режим «третьей хунты» (с 1 февраля 2021 г. по сей день), который положил конец демократическим реформам 2011–2021 гг. – по официальной версии Тамадо, переворот был спровоцирован антиконституционными действиями правительства НЛД. На каждом из этих этапов армия являлась правящей корпорацией, «коллективным монархом», власть которого, за исключением периодов 1958–1960 гг., 1988 г. и 2011–2021 гг., не была поделена с альтернативными политическими силами.

Причину устойчивости мьянманских военных хунт нельзя проанализировать без обращения к социальной истории режима. «Долголетие» диктатуры Тамадо бросается в глаза, если знать историю аналогичных «хунт» в других странах, которые либо были демонтированы (Греция, Аргентина, Парагвай), либо самоликвидировались в результате реформ (Испания, Чили, Индонезия), либо существуют в усечённом, «гибридном» формате, не решаясь управлять государством «в полную силу» (соседний Таиланд). Б. Линтнер в интервью оппозици-

онному изданию The Irrawaddy 2 июля 2022 г. назвал ключевое отличие тайской ситуации от мьянманской: если политическая система Таиланда есть «брак по расчёту между военными и китайско-тайской плутократией», которой гарантирована экономическая свобода, то годы «буддийского социализма» в Бирме закрепили безраздельный контроль армии над национализированной собственностью. Рыночные реформы после 1988 г. не создали в Мьянме самостоятельного бизнес-класса с политическими амбициями¹. С запуском нового витка реформ в 2011 г. на основании внешней вестернизации бирманского гражданского общества иностранные наблюдатели делали вывод о неизбежной самоликвидации военного национал-буддийского режима в скором будущем. Тем не менее, переворот февраля 2021 г., как минимум, поставил под сомнение прогнозы о «конце истории» и «победе демократии» в Мьянме. Следует отметить, что в академических работах и СМИ взвешенный анализ армейских социальных структур Мьянмы уступил место навешиванию пропагандистских ярлыков и принципиальному отказу искать потенциальные источники демократии внутри Тамадо. Д. Мэтисон в статье под названием «Мьянманская армия тьмы» (The Nation) констатирует, что «в течение многих лет аналитики, учёные и журналисты спекулировали на внутренних фракциях и предполагаемых разногласиях в высшем руководстве, исходя из предположения, что Тамадо во многом похоже на военных Таиланда и Филиппин, где фракционное соперничество обусловлено разными выпусками военных академий и конкуренцией поколений. Но Тамадо добилось значительного успеха в обеспечении институциональной сплочённости»². В связи с этим перед учёными-бирманистами встаёт задача написания объективной социальной истории мьянманской армии, свободной от штампов либеральной «поп-политологии» (с запрограммированным выводом о неминуемой победе «открытого общества») и ориенталистских стереотипов.

Чтобы выявить генезис военных режимов современной Мьянмы, необходимо обратиться к военно-гражданским отношениям в демократический период истории страны, особенно на раннем этапе Гражданской войны в 1948–1952. Офицерский корпус бирманской армии в момент её создания слагался из двух весьма неодинаковых компонентов: выходцы из состава британской колониальной армии, преимущественно карены и прочие этнические меньшинства (с незначительным вкраплением пробританских бирманцев), имевшие репутацию «правых», и ветераны коллаборационистской прояпонской Армии Независимости Бирмы, в большинстве своём этнические бирман-

цы, левые националисты по убеждениям. Первым главнокомандующим стал ген. Смит Дун, этнический карен, который, по оценке Д. Стейнберга, несмотря на ярко выраженное каренское самосознание, «был верным солдатом [Бирманского] Союза»³. Наличие в рядах армии двух фракций с разным этническим происхождением/идеологическими предпочтениями вылилось в ожесточённую конкуренцию за доминирование, завершившуюся в январе 1949 г. отставкой Смит Дуна, которого заместил ген. Не Вин, будущий диктатор военно-социалистического периода⁴. К 1953 г. социалистически настроенные офицеры установили полный контроль над Тамадо, окончательно устранив пробританское каренское влияние⁵. Возможно, что именно монополизация вооружённых сил этническими бирманцами-социалистами послужила предпосылкой институциональной монолитности Тамадо. При сохранении в армии небирманских фракций переворот 1962 г. едва ли бы прошёл с такой лёгкостью.

На протяжении более чем 70-летней гражданской войны военная доктрина бирманских вооружённых сил претерпевала изменения. В деле исследования конфликта в Бирме-Мьянме историку недопустимо игнорировать эволюцию бирманской военной мысли, хотя бы потому, что её колебания высвечивают новые проблемы, встававшие перед армией и государством. Исследователь Маун Аун Мьо выделяет три этапа развития военной доктрины Тамадо. На первом этапе в начале 1950-х гг. полковник Маун Маун разработал для армии чисто оборонительную доктрину, подразумевавшую необходимость продержаться пару месяцев, пока в конфликт не вмешаются международные силы – сценарий уже опробованный в Корейской войне. Доктрина Маун Мауна была заточена против коммунистического Китая, вторжение которого он считал вполне реальным. Тем не менее, прямого вторжения КНР не последовало, и её эффективность пришлось проверять в ходе операций против Гоминьдана в 1953 г. В рамках данной доктрины Тамадо мыслилось исключительно как регулярная армия, воюющая с такими же регулярными армиями конвенциональными методами ведения войн⁶.

Второй этап эволюции военной доктрины датируется концом 1950-х гг. и обусловлен переходом главных врагов бирманской государственности – КПБ и каренов – от регулярной войны к преимущественно партизанской. Соответственно, Тамадо озаботилось подведением теоретического базиса под антипартизанскую войну. Однако, борясь с иррегулярным противником, командование Тамадо само пыталось придать своей армии черты иррегулярности. Поэтому военные

теоретики режима ПБПС 1960-1980-х гг. провели рецепцию маоистской «народной войны», придав правительственной армии черты «рыбы в воде» (в частности, большое внимание уделялось всеобщей военной подготовке населения). На конференции Тамадо 1964 г. была сформулирована концепция «пяти колонн»: политических, социальных, экономических, оборонных и публичных мероприятий, призванных лишить повстанческие группировки поддержки простых людей. Конференция 1968 г. ознаменовалась принятием доктрины «четырёх режущих ударов», предполагавшей «обрубание» 1) продовольственного снабжения повстанцев, 2) финансирования повстанцев крестьянами, 3) любых контактов повстанцев и населения, и 4) «отрубание повстанческой головы», что означало вовлечение местных жителей в аннигиляцию повстанчества. В целом, военная доктрина этих лет отвечала курсу военно-социалистического режима на сращивание государственных и армейских структур⁷.

Третий этап в эволюции военной доктрины сопряжён с новым усилением внешних угроз Мьянме с 1988 г. (во время массовых протестов 1988 г. в бирманские территориальные воды демонстративно вошёл флот США). Генштаб не стал отказываться от бирманской версии «народной войны», но принял решение систематически модифицировать её с учётом концепций современной войны (в т.ч. используя опыт войн в Афганистане 1979–1989 гг., в Персидском заливе 1991 г. и Косово 1999 г.). Тамадо должно научиться реагировать на самые разнообразные вызовы, в связи с чем глава «второй хунты», ген. Со Маун в октябре 1988 г. заявил, что «народная война [в бирманском понимании] направлена не только против иностранного вторжения, но и для подавления повстанчества». Таким образом, актуальная военная доктрина была обозначена как «народная война в современных условиях». В частности, акцент был сделан на приобретение новейшего оборудования и развитие противовоздушной обороны на случай противодействия «гуманитарной интервенции»⁸. Страхи по поводу иностранного вторжения обострились после войны в Ираке в 2003 г. и усугубились в 2008 г. из-за последствий урагана «Наргис», обрушившегося на побережье Мьянмы. Режим опасался повторения сценария Первой англо-бирманской войны и захвата иностранным десантом столицы – прибрежного Янгона⁹. Это послужило одной из причин перехода в 2005 г. столичного статуса к Нейпидо, построенному практически с нуля городу в центре страны, лучше подходящему как для нахождения военно-политического руководства на случай интервен-

ции, так и для координации действий Тамадо против этнических повстанцев на окраинах.

На наш взгляд, задача бирманистики применительно к военно-стратегическому аспекту гражданской войны в Мьянме должна заключаться в ответе на вопрос: какова итоговая эффективность Тамадо в ходе более чем 70-летней борьбы с повстанчеством, смогла ли армия максимально нейтрализовать главные повстанческие группировки? Серия перемирий между режимом и этническими организациями в 1990-х гг., соглашение о прекращении огня 2015 г., казалось бы, свидетельствовали о финальном успехе вооружённых сил Мьянмы, сумевших склонить противника к «почётному миру». Переворот 2021 г. и – впервые со времён коммунистического мятежа – разрастание полномасштабного повстанчества в центре страны, среди бирманского большинства, поставили Тамадо перед невиданным ранее вызовом. Кто станет победителем на новом витке конфликта – покажет время.

Этнополитический аспект

Британский специалист Дж. Ферниволл, начавший исследовать колониальную Бирму ещё в 1930-е гг., вывел на местном материале концепцию «плюралистичного общества» (*plural society*), в котором различные этносы и диаспоры сосуществуют, активно контактируют, но не смешиваются¹⁰. Полиэтничность и вытекающая из неё повышенная конфликтогенность на родоплеменной почве всегда сопровождала бирманскую историю: первая, по-настоящему «бирманская» этническая государственность сложилась в 1750-х гг. в результате решительной победы короля бирманцев Алаунпайи над монским государством Хантавади, которое ранее в своём экспансионизме также претендовало на территорию Верхней Бирмы. Конкуренция за имперское наследие королевств Пагана (1057–1287) и Таунгу (1531–1752) в середине XVIII века окончилась уверенной победой бирманцев. Тем не менее, даже в «чисто бирманской» империи Конбаунов 1752–1885 гг. важным элементом легитимации правящей династии был учёт ею региональных особенностей своих подданных¹¹. Поэтому разгром монов в 1755 г. подразумевал не поголовное истребление побеждённых, а скорее их встраивание в новую иерархическую вертикаль, которая хоть и основывалась на безусловном доминировании бирманцев, но отводила почётное место и для других народов. В какой-то степени универсалистские, над-этнические мотивы бирманских империй древности унаследовали современные правители Мьянмы из рядов армии, или Тамадо («королевское войско» в дословном переводе),

предлагающие многоплеменному населению консолидироваться на фундаменте крепкой авторитарной (квази-монархической) власти и буддийской духовности.

Начало гражданской войны в 1948 г. изменило мотивацию этнических меньшинств по сравнению с конфликтами XVI–XVIII вв. – теперь никто из них не желал доминировать в «панмьянманском» масштабе (что к тому же было бы нереалистично, учитывая малую численность небирманских народов). В качестве целей борьбы против центрального правительства ставилась либо сепарация в отдельном государстве, либо «федерализация». Параметры взаимодействия бирманского правительства с меньшинствами заложило Панлонское соглашение 12 февраля 1947 г., которое на некоторое время помогло Рангуну заручиться лояльностью «горских народов» – шанов, качинов и чинов, которым гарантировалась автономия. В Конституции 1947 г. за двумя штатами (государствами) – Шанским и Каренни (Кая) – закреплялось право на выход в течение 10 лет.

В противоположность «горцам», каренское национальное движение сразу обозначило свою враждебность Бирме как таковой, отказавшись участвовать в Панлонской конференции и бойкотировав выборы в Учредительное собрание (апрель 1947 г.). Каренский Национальный Союз (КНС) и его вооружённая сила, Каренская национальная организация обороны (КОНО), взяли курс на создание независимого (от Бирмы) государства каренов «Котулей» под британским протекторатом. В январе 1949 г., в дополнение к коммунистическому, вспыхнуло полномасштабное каренское восстание. Учитывая насыщенность колониальной армии каренскими кадрами, многие из которых перешли в КОНО, повстанцам удалось достичь значительных успехов: в марте они овладели старой столицей Бирмы – городом Мандалай, и совместно с коммунистами осадили Рангун. Каренские батальоны бирманской армии вливались в КОНО: 25 января 1949 г. на сторону повстанцев перешёл 1-ый батальон каренских стрелков (Karen Rifles), 5 февраля – 2-й батальон, до этого сражавшийся против коммунистов в районе города Пром¹². Таким образом, каренский национализм, выдвигавший претензии не только на каренские этнические земли, но и на всю дельту Иравади, поставил под угрозу самое существование независимой Бирмы, воскресив память о кратковременном монском иге середины 18 века. Только в результате кровопролитной 112-дневной битвы за Инсейн (январь – май 1949) был достигнут перелом на важнейшем для Бирмы «каренском фронте» – войска

сепаратистов утратили инициативу, а вслед за ней и большинство захваченных территорий.

Бирмано-каренская вражда отчасти имела религиозную подоплёку, т.к. каренская элита в колониальный период успела обратиться в христианство (баптизм), хотя подавляющее большинство карен оставалось буддистами или анимистами. Желание сражаться на стороне христиан-карен изъявили и некоторые представители других, преимущественно христианских, этнических групп: например, 27-летний командир 1-го батальона качинских стрелков (Kachin Rifles) Но Сенг, до этого оперировавший против КПБ в районе Пьинмана (центр страны) и заслуживший прозвище «грозы пьинманских коммунистов», получив приказ выдвинуться против карен, отказался его выполнять и со своей частью перешёл в КОНО¹³. Центральное правительство, в свою очередь, использовало «буддийский фактор» для раскола каренского движения: так, в операции по захвату «столицы» КНС – города Манепло в январе 1996 г. Тамадо действовало совместно с Демократической Каренской Буддийской Армией (ДКБА), образованной в 1994 г. из-за недоверия каренского буддийского большинства лидерам-баптистам¹⁴.

Народы, исторически проживающие в гористой местности северо-восточной и северной Мьянмы (шаны, чины, качины и ряд более мелких этносов), на первом этапе гражданской войны продемонстрировали гораздо большую лояльность бирманскому правительству, чем мятежные карены. Общая для народов штата Шан (а также для проживающих в горах Пегу каренов-сго) безгосударственная политическая культура, оформившаяся под влиянием подсечно-огневого земледелия и еретических учений буддизма, позволила американскому исследователю Дж. Скотту включить их в состав панрегиона «Зомии». По Скотту, «племена» «Зомии» не только стремятся выйти («бежать») за пределы крупных государств – бирманского, китайского, тайского, – но и блокируют их кристаллизацию внутри собственных обществ. Показательно, что Скотт указывает на сходство народов бирмано-китайско-тайского пограничья с казачеством, чья «вольница» также сложилась во фронтальных зонах со слабым контролем российского государства¹⁵. Несмотря на соблазн противопоставить «анархических» горцев равнинным «государственникам»-бирманцам, надо отметить, что политическая цель шанов, качинов и чингов в более чем 70-летней гражданской войне всегда заключалась в признании за этими народами права на государственный суверенитет (этническую государственность) в составе федеративной Бирмы-Мьянмы. Благона-

дѣжность чинских и качинских солдат бирманской армии в конце 1940-х гг. (несмотря на отдельные инциденты, как в случае Но Сенга) напрямую вытекала из гарантий автономии, данных Рангуном местной аристократии.

Лояльность Шанских княжеств обеспечивалась рядом уступок со стороны центрального правительства – например, символическую должность президента Бирманского Союза 4 января 1949 г. занял один из шанских наследных принцев (саофа) Со Шве Тай. Однако стабильная зона, где власти независимой Бирмы – как до них англичане – готовы были удовольствоваться «косвенным управлением» через родовую шанскую знать, вскоре превратилась в арену борьбы, но не с коммунистами или сепаратистами, а с армией Гомиьндана, которая в начале 1950 г. вступила в пределы штата Шан. Создавая базу для ведения войны с коммунистическим Китаем, гомиьндановцы утилитарно относились к оккупированной территории: местные жители интесресовали их как рекруты, а опиум, издревле использовавшийся горцами в медицинских целях, как товар для экспорта¹⁶. В процессе борьбы против бирманской армии, Гомиьнданом были заложены основы наркобизнеса, ставшего определяющим для экономики региона по сей день. Кроме того, в штате «осело» огромное количество оружия, которое после постепенной эвакуации армии Гомиьндана досталось местным группировкам сепаратистского и чисто мафиозного толка. Пробуждению шанского национализма способствовало введение военного положения в ряде шанских княжеств в октябре 1952 г. Данная мера, по замыслу правительства АЛНС, должна была не только облегчить военные операции против китайских интервентов, но и ограничить самоуправление шанских саофа (дарованное на 10 лет право на отделение от Союза заканчивалось для штата Шан в 1958 г.). Широко применявшаяся военной администрацией смертная казнь убеждала шанов в том, что власть Рангуна ничем не лучше Гомиьндана, от которого бирманцы пришли «защищать» местное население. Кроме того, насильственное насаждение буддизма оттолкнула от правительства У Ну других горцев – качинов, среди которых было распространено христианство¹⁷. Первая повстанческая группа шанов – «Нум Сей Хан» (Молодые отважные воины) – была создана шанскими студентами Рангунского университета в мае 1958 г. Военный режим 1958–1960 г. и переворот 1962 г. проложил дорогу широкому шанскому и качинскому повстанчеству. «Анархизм» шанского общества обусловил появление не одной, а нескольких шанских группировок в течение 1960-х гг.: Армии независимости государства Шан, Шанского нацио-

нального объединённого фронта, Шанской национальной армии и т.д.¹⁸. В феврале 1961 г. в горах возле города Лайшо была основана Качинская Армия Независимости¹⁹. Свои вооружённые формирования возникли у других этносов: палаунов, лаху, ва, китайцев Кокана и т.д.

Военные и дипломатические успехи Тамадо выразились в росте числа этнических армий, подписавших соглашения о перемирии. К середине 1990-х договорённости были достигнуты с 17 группировками, включая такие крупные как Качинская организация независимости, Новая партия монского государства, Армия государства Шан²⁰. Реформы, начатые в 2011 г., дали некоторую надежду на реализацию идей «подлинного федерализма», и подтолкнули стороны к подписанию общенационального соглашения о прекращении огня в 2015 г. Вместе с тем, по мере «затухания» отдельных конфликтных очагов, появлялись новые. В 2009 г. образовалась Армия Аракана, действующая от имени буддийского большинства штата Ракхайн. В 2009 г. и в 2015 г. имели место серьёзные боестолкновения Тамадо и этнически китайской Мьянманской национальной демократической союзной армии в самоуправляемой зоне Кокан (штат Шан). Переворот 2021 г. дезавуировал ранее подписанные договорённости, обострив имеющиеся конфликты и втянув него даже те этнические сообщества, которые до 2021 г. выделялись своей сравнительной лояльностью (всплеск насилия в штате Чин).

Таким образом, гражданская война в Бирме-Мьянме «распадается» на множество этнических войн (бирмано-каренскую, бирмано-качинскую, бирмано-монскую т.д.). Большинство из них длится дольше «внутрибирманских» конфликтов (между правительствами АЛНС/ПБПС и коммунистами; между современным военным режимом и «народными силами обороны»). Однако федералистская саморепрезентация большинства этнических армий, их готовность быть лояльными «демократической Мьянме», а также тесное взаимодействие бирманских антиправительственных вооружённых групп с этническими повстанцами не оставляют сомнений, что все этнические противоречия стоит рассматривать в общенациональном контексте.

Заключение

Гражданская война в Бирме-Мьянме, длящаяся более 70 лет, может и должна быть осмыслена как самостоятельный феномен, а не просто подаваться «фоном» при анализе политической истории этой страны, как то делается в большинстве работ. Среди других войн (как национально-освободительных, так и гражданских), создавших поли-

тический ландшафт Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны – бирманская гражданская война занимает особое место – не только по длительности (этим она выделяется и в мировых масштабах, будучи наиболее продолжительной гражданской войной), но и по меняющимся диспозициям и промежуточным результатам. Достаточно сказать, что это единственная из «индокитайских войн», в ходе которой местное коммунистическое движение (КПБ), первоначально пользовавшееся широкой поддержкой (в т.ч. извне), потерпело поражение и было полностью ликвидировано. Во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже коммунисты добились победы, несмотря на вмешательство США и их союзников; в Малайе коммунистические повстанцы были разбиты при помощи британских войск; в Индонезии режим Сухарто подавил коммунистическое движение превентивными репрессиями, ценой миллионов жертв (большинство из которых имели крайне опосредованное отношение к коммунизму); Таиланд смог адекватно ответить на вызов радикально-эгалитарного социализма, благодаря непрерывной независимости и традициям монархической государственности. Что касается Бирмы, то на начало внутренней междоусобицы она находилась в максимально невыгодном положении: страна испытала свыше 60 лет (в Нижней Бирме – около 90, в Аракане и Тенассериме – около 120 лет) британского колониализма, уничтожившего бирманскую монархию, 3 года разорительной японской оккупации, имела неразрешённые национальные противоречия и не могла надеяться на помощь британской армии.

Тем не менее, бирманское правительство смогло к началу 1950-х гг. переломить неблагоприятный для себя ход событий и, полагаясь почти исключительно на свои силы, предотвратить коллапс государственности. Э. Саркисянц называет положение У Ну в 1949 г. «более безнадежным, чем обстоятельства, в силу которых Керенский покинул Россию в 1917 г., и более отчаянным, чем кризис, в ходе которого Черчилль допустил возможность эвакуации в Канаду под авиационными атаками Гитлера в 1940 г.»²¹ Тем удивительней, что Бирма выстояла и сохранила территориальную целостность (за исключением зон, непосредственно контролируемых повстанцами). В дальнейшем военно-социалистический режим сумел создать альтернативу маоистской КПБ, при победе которой Бирму ждала бы участь Камбоджи, т.е. геноцид населения и почти поголовное истребление буддийской Сангхи (КПБ официально поддерживала режим «красных кхмеров»). Не отрицая истоки бедственного экономического положения Мьянмы в иррациональной политике хунты Не Вина, нельзя не оговорить, что

наиболее вероятной альтернативой режиму ПБПС был по-настоящему кошмарный сценарий.

В схожих конфликтах XX века чаще всего либо «красные» побеждали «белых» (Россия, Китай, Вьетнам), либо «белые» побеждали «красных» (Венгрия, Испания, Греция), но в случае Бирмы победу над «красными» радикалами одержали «розовые» демократические социалисты, которые, впрочем, не долго пользовались плодами своей победы и вскоре были смещены военной хунтой, тоже «вызревшей» внутри буддийского немарксистского социализма. На наш взгляд, пример Бирмы в рамках контрфактической истории (и компаративного подхода к ней) помогает с неожиданной стороны взглянуть на гипотетическую победу эсеров в российской Гражданской войне. Вполне вероятно, что «военная фракция» эсеровской партии, проникнувшись православной религиозностью (как Тамадо – буддийской), могла провозгласить строительство «христианского социализма», как альтернативы большевизму и капитализму. Во всяком случае, в русской интеллектуальной традиции всегда имелись зацепки для такой траектории.

Таким образом, остаётся пожелать российским бирманистам плодотворных исследований бирманской гражданской войны и раскрытия её многочисленных измерений: военных, внутри- и внешнеполитических, идеологических, этнонациональных и пр. На данном этапе российско-мьянманских отношений преимуществом российских историков может стать возможность работы в близком контакте со своими мьянманскими коллегами из академических учреждений Мьянмы. Весьма актуальной и взаимовыгодной представляется перспектива обмена научными идеями и знаниями между историками двух стран.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ПОПОВ Фёдор Алексеевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры новейшей отечественной истории, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 28.04.2023;
одобрена после рецензирования 15.05.2023;
принята к публикации 31.05.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedor A. POPOV, PhD (Hist.), Assistant of the Department of Contemporary National History, Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia

The article was submitted 28.04.2023;
approved 15.05.2023;
accepted to publication 31.05.2023.

¹ China's Complicated Game in Myanmar. The Irrawaddy, July 2, 2022. URL: <https://www.irrawaddy.com/in-person/interview/chinas-complicated-game-in-myanmar.html>.

- ² Mathieson D.S. Myanmar's Army of Darkness. The Nation, February 12, 2021 URL: <https://www.thenation.com/article/world/myanmar-burma-coup-rohingya/>.
- ³ Dun S. Memoirs of the Four-Foot Colonel. Southeast Asia Program Department of Asian Studies, Cornell University, Ithaca, New York, 1980. P. 9.
- ⁴ Callahan M.P. Making enemies: War and State Building in Burma. Ithaca, NY, Cornell University Press, 2005. P. 130-131.
- ⁵ Callahan M.P. Making enemies: War and State Building in Burma. P. 122.
- ⁶ Aung Myoe, M. Building the Tatmadaw: Myanmar armed forces since 1948. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore, 2009. P. 16-19.
- ⁷ Aung Myoe, M. Building the Tatmadaw: Myanmar armed forces since 1948. P. 19-33
- ⁸ Aung Myoe, M. Building the Tatmadaw: Myanmar armed forces since 1948. P. 33-42.
- ⁹ Selth A. Even Paranooids Have Enemies: Cyclone Nargis and Myanmar's Fears of Invasion // Contemporary Southeast Asia. 2008. № 3 (30), pp. 379-402.
- ¹⁰ Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. С. 74-75.
- ¹¹ Lieberman V.B. Ethnic Politics in Eighteen-Century Burma. Modern Asian Studies. 1978. № 3 (12). P. 474-477.
- ¹² Lieberman V.B. Ethnic Politics in Eighteen-Century Burma. P. 14.
- ¹³ Lieberman V.B. Ethnic Politics in Eighteen-Century Burma. P. 15.
- ¹⁴ South A. Karen Nationalist Communities: The "Problem" of Diversity. // Contemporary Southeast Asia. 2007. № 1 (29). P. 15.
- ¹⁵ Скотт Дж. Искусство быть неподвластным: анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. / Пер. с англ. И.В. Трощук. М.: Новое издательство, 2017. 568 с.
- ¹⁶ Lintner B. The Shans and the Shan State of Burma // Contemporary Southeast Asia. 1984. № 4 (5). P. 410.
- ¹⁷ Thawngmung A.M. Beyond Armed Resistance: Ethnonational Politics in Burma (Myanmar). Honolulu, Policy Studies, 2011. Issue 62. P. 22.
- ¹⁸ Lintner B. The Shans and the Shan State of Burma. P. 414.
- ¹⁹ Lintner B. Burma in revolt. P. 201.
- ²⁰ Thawngmung A.M. Beyond Armed Resistance... P. 9.
- ²¹ Sarkisyanz E. Buddhist backgrounds of the Burmese Revolution. The Hague, Martinus Nijhoff, 1965. P. 188.